

Михаил Болдырев

ОСЕННИЙ МОТИВ

Дверь открыл — навстречу осень.
 Холодом к щеке прижалась,
 Колыхнув дыханьем проседей,
 Вдруг зарделась, застеснялась.

Вынес флейты золотые
 Сад на солнечную сцену.
 Яблок гроздь я налитые
 Облаков взбиваю пену.

И опять все закружилось
 В танце осени нетленной.
 Все, что будет, — все случилось:
 Осень, я твой вечный пленный.

Хайдар Бедретдинов

Сопереживание

Если в окошко твое постучится
 Беда, беда,
 Знай, что к тебе мое сердце примчится
 Всегда, всегда.
 Вместе разделим, а может, разведем
 Печаль, печаль.
 Тьму мы разгоним, пока не дотлеет
 Свеча, свеча.

Брался за дело, как будто двуужильный,
 С нуля, с нуля,
 Дать тебе помощь небесные силы
 Моля, моля.
 Дня ты не видел и мчал до рассвета
 Не раз, не раз.
 Рвался к победе, но только все это —
 Аванс, аванс.

Горечь нажитую не подслаstim мы
 Ничем, ничем.
 Тратил года наши призрачный стимул
 Зачем, зачем!
 В срок свой и власти, и жертвы, и судьи —
 Уйдем, уйдем.
 Вспомни ли кто-то о вкладе в их судьбы
 Твоим, твоим!

Анатолий Прядкин

ГОМЕР

Небесные мысли и чувства
 В нем отклик нашли и приют.
 И вот появилось искусство,
 Как в праздник веселый салют.

Гомер написал нам сценарий
 И даже — цензуре в пример —
 Устав от людских вакханалий,
 Ослеп. А затем онемел.

С тех пор мир не знал человека.
 Прожившего с нами века,
 Не став аморальным калекой,
 Пера не державши в руках.

Светлана Гордиенко

Полечиться бы...

Не успел рассвет пробиться,
 А народ уже в больнице,
 К регистраторше толпится,
 А она рычит, как львица.
 Перед ней больные лица,
 Вот, наверное, и злится:
 «И чего вам всем не спится!».
 Ей в ответ: «Ась? Я Синицын.
 К ЛОРУ б, дочка, подлечиться...».
 «Дома что ли не сидится?».
 «Ась? Что, врач лежит в больнице?
 Навестить бы...» — дед Синицын
 Поспешает удалиться.

Алексей Кропотин

НА ФИНИШЕ

Коль в состязаниях бегун
 Последним к финишу плетется,
 Аплодисментами с трибун
 Его похвалят за упорство.

Но если он сошел с дорожки —
 Бежать, мол, дальше ни к чему,
 Ему не хлопают в ладошки.
 «Эй, слабочок!» — кричат ему.

НЕПРИВЫЧНАЯ ТИШИНА

Еще давно ль в пылу сражений
 Мы непременно выступали.
 Мы знали горечь поражений,
 Победы вкус мы тоже знали.

А нынче как-то непривычно:
 Команды нет,
 Грачи довольны.
 Они устроились отлично
 В корзинах наших баскетбольных.

Надежда Марчук

Рассказ

Последний рейс

ПАМЯТИ В. С. Ч.

В квартире время от времени слышался негромкий треск отклеивающихся от стен обоев. Размеренно тикал будильник. Старик спал. Ему снилось море, и он чувствовал его ни с чем не сравнимый запах.

Старик любил море и все, что с ним связано. Старый рыбак, он почти всю свою жизнь провел механиком на рыболовецком траулере в Находке. Ходил в Японское море, в Охотское и много еще куда, всего и не упоминишь. Каждый раз перед рейсом он жаждал моря, густого запаха пойманной рыбы и ровного гула работающей машины. Когда же плавание заканчивалось, тосковал и старался занять себя работой — отремонтировал в доке корабль — или уезжал на родину, в жаркий Казахстан.

В Каширу, ближе к братьям, старик перебрался в шестьдесят с небольшим. Долго не мог привыкнуть к жизни без моря и очень тосковал. А потом придумал, как избавиться от тоски, — стал рыбачить на Оке. Даже находил удовольствие в том, чтобы, забросив удочку, неторопливо ждать, когда дернется поплавок. Выловленную рыбу почти всю раздавал, оставляя себе лишь немного. Весной, когда пригрело солнце, высаживал на небольшом участке возле дома робкую рассаду огурцов и помидоров и с любовью ухаживал за нею. А осенью собирал урожай и делал запасы на зиму. Так было до болезни.

Боль пришла больше года назад. Сначала он подумал, что так старость напоминает о себе, но вскоре понял, что ошибся. Боль выкручивала и выжимала его, как выкручивают и выжимают тряпку, опутывала его своими щупальцами, словно спрут. Боль была с ним все время, как некогда море. Правда, после спасительных уколов она ненадолго уходила, и тогда старику чудился убаюкивающий шелест

морских волн. Он покачивался на этих маленьких ласковых волнах, вдыхал запах пойманной рыбы, слушал ровный гул работающей машины. Он никому не рассказывал о своих видениях, не мог: уже год вместо языка — короткий обрубок, первый трофей болезни. Да и кому рассказывать? Разве что младшему брату, который приходил ухаживать за ним.

Море исчезло внезапно, и боль вернулась. Старик проснулся. Полежав немного в постели, решил встать. Первые шаги дались с трудом, ноги почти не слушались. Пошатываясь, направился на кухню, чтобы приготовить гоголь-моголь. Эту прихоть он мог себе позволить даже в нынешнем положении. Разболтав пяток сырых яиц, привычным движением залил получившуюся смесь в зонд и присел за стол. За плитой возилась неупуганая мышь, но ее старый рыбак не слышал, думая о своем.

Старик был одинок, ни жены, ни детей. Он привык к одиночеству и почти не думал об этом. Зато часто вспоминал свое детство. Вот он с удочкой стоит у воды. «Может, тогда все и началось?» — размышлял старый рыбак, но тут же усмехнулся, вспомнив, как в юности увлекся небом. Тогда он, страстно желая стать летчиком, выпил все нормативы ДОСААФ по прыжкам с парашютом, а после армии поехал поступать в летное училище. Экзамены сдал, но медкомиссию не прошел, очень обидно было. А потом жизнь помчалась: работа на заводе, учеба сначала в училище, потом в институте и, наконец, Находка, море.

Звук поворачивающегося в замке ключа вернул старика к действительности. «Что вам надо?» — хотел крикнуть он, но не сумел. С ужасом смотрел в темноту коридора и ждал. Сердце билось так громко, что ему казалось: он со-

всем оглох от этого стука. Рука нащупала и жгла молоток, лежавший на подоконнике.

Вошел брат.
 — Зачем тебе молоток? — спросил он. — Что ремонтируешь?

— Ко мне приходили, приходили за мной, — неразборчиво пробормотал старик. — Звали с собой. Но я им не открыл.

«Галлюцинации, это от обезболивающего», — подумал брат, и ему стало как-то не по себе.

— Может, останешься? Останься со мной, — жалобно попросил старик.

— Не могу я, не могу. Завтра утром зайду.

Когда брат ушел, старик вернулся на кухню. Взял в руки крючок и нить. Он умел плести хозяйственные сетки, и это его отвлекало. Но сейчас руки не слушались, и старик отложил плетение. С трудом добравшись до комнаты, прилег и закрыл глаза. Он хотел услышать море, но море не приходило.

Лежал так очень долго, потеряв ощущение времени. «Витя», — позвал его кто-то. Он открыл глаза и повернул голову на знакомый голос. «Мама, ты?». Женщина улыбнулась ему и погладила по голове. «Мама, — жалобно, как в детстве, сказал он, — мне плохо». «Ты засыпай, — отозвалась она. — Засыпай, и все пройдет». «Не могу. Мне страшно, все ушли. И ты уйдешь», — чуть не заплакал от отчаянья старик. «Я буду рядом с тобой», — шепнула женщина и снова погладила его. Тогда он успокоился и послушно уснул.

Утром пришел брат. Его никто не встретил, и никто на его зов не отозвался. Старик умер. Его облачили в выдавшуюся морскую форму. По пути к кладбищу гроб в катафалке мерно покачивался, словно лодка на волнах, в которой старый рыбак навсегда уплывал в свой последний рейс.